

ТРУДНО БЫТЬ ШАМАНОМ

Самая сильная шаманка Якутии, по имени Дора, — живёт в Мукучу, это в двенадцати часах езды от Якутска. Говорят, что когда вертолёт пролетает над этим местом, мотор глохнет.

Анатолий
Цирульников

Окончание.
Начало см.: НО. 2003,
№ 5, № 7.

Мы едем, сами не зная куда. То есть они-то знают, мои проводники по Якутии Николай Бугаев и К°, разработавшие сценарий этого путешествия по якутским дебрям и шаманским школам, по принципу синтаксического параллелизма — кругами. Всё ближе к смыслу. Всё дальше от очевидности. А пока зам. директора Института национальных школ и зам. начальника улуса по инновациям меня просвещают. «Люди с открытой плотью у нас есть». — «Ясновидцы?» — «Нет, просто люди с открытой плотью, открытые в параллельные миры». — «Что за параллельные миры?» — «Миры, с которыми пересекаемся, проходим через них, но не замечаем. А эти люди называются «ахагас эттээх» — открыты этим мирам». — «А ещё есть с закрытой плотью, — добавляет Бугаев, — они вообще непробиваемы». — «Вот мы идём по тайге, — говорит Геннадий, — если пересекаем это место, обыкновенный человек не ощутит, а с открытой плотью почувствует. Увидит что-то, обычно из прошлого».

«Не все усопшие, — поясняет зам. по традициям, — уходят в мир иной. Некоторые остаются для искупления грехов. В нижний мир уходит только душа-земля, а психическая может и остаться, если вы какое-то табу нарушили».

«Что, не верите? Думаете, что́ они мне тут сказки Андерсена рассказывают?» — улыбается своей очаровательной редкозубой улыбкой Бугаев.

На самом деле, — пытаются развернуть передо мной мои спутники якутскую педагогику, — было время, когда взрослые жили в сказках, в эпосе, мифологии, когда философия и поэзия были одним и тем же, не было кризиса детства, кризиса переходного возраста. А когда возникла цивилизация, возник кризис детства. «А мы, — говорит Геннадий, — хотим быстрее втащить детей во взрослость». — «Как будто, — развивает Николай, — нет ничего, кроме Яна Амоса Коменского. Ну, да, великому человеку надо отдать дань, оказать честь, как сухому дереву, не срубая. Но рядом же стоят цветущие деревья?»

Режим внутренней речи

Пора браться за леденящие душу истории, за страшную тайну, которая приковывает в любом возрасте. Верней, не приковывает, а, напротив, высвобождает — творческую энергию, проникающий сквозь любые препятствия ум, необыкновенные способности — всё то, на чём основана шаманская школа. Или шаманизм как образовательная культура — помните название не защищённой пока докторской диссертации моего якутского друга?

У Николая Иннокентьевича в роду по линии отца есть шаманка и три шамана, как он выражается, «средней руки». Дед просто лечил травами. Всё это, говорит Бугаев, его не очень интересовало. Но в начале 90-х в Институт усовершенствования учителей, где он тогда работал, приехал из Ленинграда молодой аспирант. Привёз с собой восемьдесят текстов шаманских заклинаний — «камланий». Старинные, видно, что написаны давно, многое испорчено. Писали латинскими буквами, а основы якутские, перевели на русский, переписывал, видно, человек, не знакомый с якутским языком, — в общем, тарабарщина. Аспирант попросил, и Бугаеву пришлось заняться переводом «с якутского на якутский».

Был в Якутии такой человек, Седалищев, псевдоним Сэсэн Боло — все его под этим именем знают. Первый якут-этнограф. Уроженец Чурапчинского улуса, село Ожулун.

У них в роду была женщина, её звали Сыыдам Сынгалаабыт. Очень сильная шаманка — «удаганка». Женщина-шаман вообще намного сильнее мужчины, её даже нельзя называть этим словом, про неё говорят — «старшая сестра». Так вот, до поры до времени эта удаганка сама не знала, кто она. Была дочерью очень богатого человека, беззаботно жила, гуляла с подругами, наряжала деревья. С раннего возраста у неё обнаружилась способность из разряда шаманских — творить чудеса. Все её любили и боялись. А родители хотели, чтобы она была обыкновенной девушкой. Когда подошло время, подыскивали ей жениха из богатого рода, но старше её, некрасивого и, как гласит легенда, не очень умного. Естественно, жених ей не понравился, но её не стали слушать. Несколько раз она пыталась удавиться, но верёвка всё время обрывалась, молва так свидетельствует, но, может быть, делала вид, что вешалась.

Наконец, свадьба состоялась. В брачную ночь невеста исчезла, а наутро её нашли мёртвой.

И вот Сэсэн Боло, потомок из её рода, этнограф — это уже не легенда, а совершенно реальная история — задался целью найти и раскопать захоронение. Как он предполагал, в нём должны были находиться очень богатая одежда, убранство.

Сорок текстов было на одну тему — описание обряда, помогающего родить женщинам, которые не могут иметь детей, — в них как бы вселяют душу будущего ребёнка. Вот было сорок вариантов этого обряда. Ну, я, говорит Бугаев, согласился. Считается, что первые поэты Саха — шаманы, и он надеялся лучше узнать свой язык. Постепенно работа его заинтересовала, и он стал ею заниматься.

Поздней, когда у Бугаева возникла идея создания национальной якутской школы по способу мышления и деятельности, а не по набору предметов, и он стал вникать в структуру языка, то вспомнил про эти шаманские тексты. И стал, как сам говорит, заниматься шаманизмом «в педагогическом плане». «А почему всё-таки шаманизмом?» — спросил я Бугаева. И вот как понял его объяснение.

Структура речи проявляется в структуре языка. Один заикается, другой шепелявит, третий много читает, у четвёртого — лексический запас, как у Элочки Людоедки. Языки бывают разные: естественные и искусственные (на основе естественных, но гораздо проще — например, дорожные знаки), вторичные моделирующие (на основе естественных, но гораздо сложнее — художественная литература, искусство) и т.д.

Бугаев взял язык художественной литературы (он же филолог, занимался структурой поэтического текста) и стал дробить дальше.

Художественные тексты делим по времени написания. Стал думать, какие тексты взять — современные или из прошлого? В современных очень много влияния других культур, а ему нужно было более-менее в чистом виде — значит, прошлое. А там опять раздваивается: народные тексты и «писательские».

В писательских — много личного, субъективного. А в фольклорных текстах любых народов — жёсткая структура и сюжетные вариации, по Весёловскому — «сюжетная импровизация».

Взял героический эпос «Олонхо» — как вершину, объединение всех фольклорных жанров. Но когда начал разбирать, оказалось, там десять вариаций. А он искал базовую структуру и тут... вспомнил про те тексты Малышева, шаманские заклинания. Взял их. И стал всё больше, больше ими заниматься. Но поставил себе жёсткое условие: ничего магического, такого... — только структура.

Вот его предположение, рабочая гипотеза: если по этим шаманским текстам смоделировать структуру родного языка, то получится, что мы смоделировали этнический тип мышления. И если к этой модели прибавить что-то личное, интерпретации учителями предметов, плюс мировое, общечеловеческое, и всё это свести к некоей педагогической технологии — это и будет национальная школа по способу деятельности, а не по набору предметов.

Потому что школа, в которой хоть сто часов изучают родной язык, не будет национальной, если в ней нет особенного способа деятельности...

Искал и другие, параллельные ходы. Обращался к этнокультурным, этнопсихологическим исследованиям. Смотрел, как изучали национальный характер: через психические процессы, адаптивные механизмы, эмоциональные установки, институционализированное поведение... Его-то интересовала вполне практическая проблема: первый социальный институт, куда приходит ребёнок, — детский садик, школа. Ребёнок приходит в институты, которые не соответствуют его этническому типу мышления. Необходимо создавать другие, которые бы соответствовали.

Размышлял о мышлении западном и восточном.

«История — результат проявления универсального закона, а не результат творчества, как в европейской традиции.

...Мудрецы — это носители и хранители высшего знания, этических идеалов.

...К высшему знанию ничего нельзя прибавить по существу. Его можно лишь бесконечно истолковывать...»

Н. Бугаев

На кого опирался? Бахтин, Библер, Хайдеггер (прозванный «коренным зубом европейской философии»), в какой-то мере, говорит, Камю и, может, даже Сартр, как экзистенциалист. Из русских: библиофил Николай Александрович Рубакин. Конечно, окружение Льва Гумилёва и те, от кого он пошёл, — Вернадский, Чижевский... Окружение психолога А.А. Леонтьева и те, кто занимался этнокультурной основой речи. «Для меня же, — говорит Бугаев, — важна речь, понимаете...»

Бугаева зовут в президентскую администрацию в Якутск, руководить политикой в области родного языка. Он на распутье, не знает, как поступить: уйдёшь в аппарат, а как же эти путешествия, школы. И в то же время можно будет создать государственную программу, принимать решения.

У него это как у многих тут, засело вопросом на личностном уровне, в подкорке, генной памяти: кто такие якуты, «урангхай — сахалар», откуда пришли? Из Туруханского края — остроумно заметил один учёный незадолго до своего ареста... Версий много. Одни показывают на древних тюрков, на жаркие монгольские степи. Другие подмечают, что ландшафты эпоса «Олонхо» напоминают предгорья Памира и вершины Гималаев.

Структура поэтического текста. Поэтика. Язык. В языке скрывается всё.

Отсутствие ударений. Долгий звук — за счёт удвоения гласной: «сылгы ыытар» — место, где лошадей отпускают на волю. В географическом атласе, в русском названии села убрали для краткости одно «ы», и теперь молодые якуты читают чуть-чуть изменённый вариант — «место, где лошадей отстреливают».

Хотя якут никогда этого не делает.

Странно, вспомнилось о шамане. «Человек, бывает, говорит вслух, а потом, — сказал Бугаев, — переходит в режим внутренней речи. Вот шаман для меня — это не изгой, а человек, ушедший... перешедший в режим внутренней речи».

Совсем — глубоко.

Распрашивал своего отца про место захоронения, но тот держал в тайне, не раскрывал.

Однажды, когда у Боло были тяжёлые в материальном отношении времена, он заключил договор с Институтом истории языка и литературы о том, что в такой-то срок представит наряд женщины XVII столетия. И опять поехал на родину. Срок договора истекал, деньги потрачены... Незадолго до отъезда в Якутск Боло устроил прощальный ужин и во время этого ужина, когда у отца развязался язык, сумел выудить семейную тайну — место захоронения.

Позвал трёх человек, своих родственников, и они уехали на алас, где была похоронена «уданганка». Очень быстро нашли это место, раскопали. Оказалось, гроб обёрнут берестой и запаян берёзовым дёгтем. Когда покрытие сняли, выяснилось, что он очень хорошо сохранился — сделан из лиственницы. Попытались вскрыть — не смогли. Попробовали топором, не выходит — от морёной древесины всё отскакивает. Они начали крушить и ломать. В конце концов разломали, и их взорам предстала молодая красивая женщина в полном якутском убранстве. Тотчас, прямо на глазах, труп почернел, стал разлагаться и через несколько минут... превратился в скелет. Это произвело на Боло и его спутников такое жуткое впечатление, что они буквально остолбенели. Были в шоке. Им показалось, что это очередное её колдовство.

Трое из этих людей, в том числе сам этнограф Сэсэн Боло, в течение короткого времени умерли. А четвёртый человек, который в этом деле активного участия не принимал, но с ними приехал, был неммым свидетелем, — свихнулся.

А её обратно закопали. В этом селе, где Бугаев учительствовал, из уст в уста передавалась такая история, что когда, мол, началась Великая Отечественная война, многие, перед тем как идти на фронт, ходили на место захоронения удаганки — прощаться с ней. И якобы те, кто говорил, что видел её, — вернулись живыми, а те, кто не видел, — не вернулись. Такая ходила молва среди ветеранов. Не знаю, говорил мне Николай Бугаев, может быть, правда, а может быть, сказка.

Но одному факту сам был свидетель.

Однажды в конце 70-х годов, когда устраивали «пал», поджигали прошлогоднюю траву, чтобы было удобней сено косить, — огонь неожиданно охватил лес, всё кругом сгорело. Только могила «старшей сестры» осталась нетронутым островком.

Якуты — это беженцы, вынужденные переселенцы. Они бежали от конфликтов и войн. Возможно, в течение столетий перемещались на север и восток, обживали новые территории и двигались дальше, приспосабливаясь к огромным расстояниям и длительным усилиям, глухой тайге и вечной мерзлоте. Уподобляясь лошадке или олешке, разбивающему в кровь копыта, чтобы достать из-под земли пропитание. То, что предстоит большому народу, можно увидеть на примере малого. Потеря письменности, речи, мучительная попытка обрести снова. И, напротив, малый народ отражается в зеркале большого, как ребёнок в глазах взрослого. В конце 80 — начале 90-х годов всё это, национальное и не национальное, выплеснулось. В спокойной Якутии было вовсе не спокойно, толпы молодёжи в Якутске образовались раньше, чем в Алма-Ате. Удалось погасить благодаря... «Концепции развития национальной школы Республики Саха (Якутия)», в 1991 году она была утверждена правительством.

Бугаев занимался архитектурой, ритмическим строем стихотворения, пытаясь объяснить его на языке физики (физтеховская школа пригодилась). Волны... Звуки речи как волны. Знакомое каждому школьнику явление резонанса.

На языке физики Бугаев объяснил, почему большая культура поглощает малую, не давая ей возродиться, — затухающие колебания, не больше.

...Интонационный контур традиционного русского языка понижается к концу строки. А якутского — повышается. Так было раньше. А потом якутский начинает, как русский, понижаться к концу строки. А ритмическое, интонационное спрятано внутри. Вроде бы на якутском говоришь. А уже не на якутском. Много личных местоимений появляется, «я». А якут не привык много якать. По-русски — «я пойду туда-то». А якут скажет: «пойду туда-то». А сейчас стали якать. Но это же, говорит Бугаев, наверное, страшней, чем на поверхности... А поскольку не заметно, оно не подвергается уже моему личному контролю, я не замечаю.

В 90-е, во времена «парада суверенитетов», якутская интонация чуть приподнялась, но это, считает он, скорее всего за счёт подражательства старым формам.

Почему об этом говорит? Традиционализм нарушен не на поверхности, а на глубинном уровне. Какой процент школ из таттинского улуса пустили корни? Процентом шестьдесят. А по Якутии? Некоторое время назад все пели, танцевали, потом стало затухать. Почему? Почему выплеснулось по всей России, а сейчас уходит? Бугаев говорит, что ему близка такая позиция: культура иерархична и её верхний уровень выходит на школу («функция освоения и преобразования мира»). А есть ещё функция «перспективной разрядки» — она как бы дремлет. До тех пор, пока человек из одной культуры не начинает ощущать угнетения другой. Тогда человек начинает что-то делать: одеваться в национальные одежды, искать отдушину. Если не находит — Карабах, Чечня... Помните, там, где начали бить

в барабаны, бубны, там... «Вы не согласны?» — спрашивает Бугаев.

Он просмотрел разные религии — с точки зрения отражающегося в них типа мышления, проекций на педагогику и учебные предметы, типы деятельности. В иудаизме неожиданно обнаружил связь со структурой деятельностных образовательных технологий — развивающим обучением, КСО. В христианстве Закон Божий сомнению не подлежит, а в иудействе, если верить Штайнзальцу, иудей обязан закон подвергать сомнению, только в этом случае он может прийти к вере. Но это же — развивающее обучение!

Но дальше... иудаизм же вышел из язычества. «И тут я за уши, — говорит Бугаев, — притягиваю его к шаманизму. И прихожу к выводу: язычество всех народов мира имеет одну структуру.

То есть, разрабатывая якутскую национальную школу, получается, что разрабатываю *общечеловеческую*... Но этого я, — говорит Бугаев, — своим учителям пока не говорю. Пусть идут от своего, национального, а потом сами придут»...

Как к этому приходит шаман или к чему он там приходит во время тяжёлой инициации, именуемой «болезнь посвящения»? В старинном заклинании о ней говорится: «трижды умрёшь и трижды воскреснешь...»

Я вспомнил про «метод зачаровывания», который разрабатывают в черкехской школе. «Мы не воспринимаем шаманизм как религию, — сказали мне учителя, — для нас это техника вхождения в экстатическое состояние, то есть в творчество».

«Эта шаманская технология, — говорит мне Бугаев, вычерчивая очередную схему, — не глупость, да? Они что говорят: что у человека два центра — разума и воли, не чужой, пойдти туда-то, а моей собственной — то, что сам себе говорю. Центр разума связан с речевым центром и это круг управления разумом, так живёт большинство людей. На основании личного опыта, с помощью логических умозаключений, найти единственно верное решение. Этому учит обычная формальная

наука, школа. А вот это другой круг — центр моей воли, связанный с эмоциональным и генетическим центрами, с интуицией. Это круг сердца. По нему живут творцы — у якутов это кузнецы, шаманы и богатыри. И дети до пяти лет...»

Из эпоса «Олонхо»: «Люди племени солнца с поводьями за спиной...». «У шамана за спиной обязательно должны быть поводья, ими же духи управляют, — говорит Бугаев, поворачивая голову. — Мы весь народ — шаманы. И нам, — мило улыбается он своей редкозубой улыбкой, — грех не создать шаманскую школу».

«Шаман в ходе заклинания, шаманского действия, ради того, чтобы излечить больного, уходит в «нижний мир». Сражается с какими-то духами, входит в экстатическое состояние — он же в бреде находится, а потом, вернувшись, входит в обычное состояние, но рефлексивное — анализирует, что с ним было во время этого экстатического состояния, и начинает вас лечить».

СЫН ШАМАНА

В селе Уолба две достопримечательности: бюст В.И. Ленина в местной школе и изготовленный на средства односельчан памятник Ф.Н. Чашкину (1878–1965), местному шаману.

У оставившего о себе добрую память шамана — два сына: Фома и Михаил, один из них продолжает дело отца, который предсказал, что шаманом будет другой. У дома Чашкина — очередь приезжих на автомобилях, ждём, когда кончится приём.

Ландшафт точно по Кастанеде: холмы, озеро, поросшее жёлтой травой и какими-то колючками. Шаман Чашкин-младший — копия Дона Хуана, только сильно располневшего: тёмное до черноты, расползшееся лицо латиноамериканского типа. Интересно, что здесь это никого не удивляет, — узоры якутского чепрака, что кладётся на круп лошади, похожи на древние рисунки на плато Наско в Перу, напоминающие сверху знаки на посадочной полосе.

Во время нашего разговора Чашкин-Хуан чесался, где только можно, и беспрерывно зевал — шаман принимает больше, чем участковый. Меня этот на вид ленивый, не без чувства юмора шаман в майке нисколько не разочаровал, напротив, если бы он прыгал с бубном, я бы не поверил. А ленивость, усталость, обыденность — притягивали. В доме шамана нет ничего особенного. Разве что распластанная на стене медвежья шкура и гипнотизирующий взгляд отца (портрет написан здешним учителем, очень выразительный).

С него мы и начали разговор (шаман по-русски говорит плохо, а я по-якутски — никак, поэтому через Бугаева-переводчика).

«Вас учил отец?» — «Нет».

«Он в детстве особенно шаманизмом не интересовался, — говорит переводчик про сына, — не обращал внимания».)

«Школу кончили?» — «Четыре класса, лень было...» — «Говорят, ты когда учился, — пытается «разговорить» шамана переводчик, — между партами поросёнка пускал, гипнотизировал...» — «Не знаю, не помню. Я мало учился, ягодицы не износил за партой».

Шаман смеётся.

«А когда у вас возник интерес к этому?» — спрашиваю шамана я. «Где-то десять с лишним лет назад». — «Что вы почувствовали?» — «Я вылечил родственника жены, он сильно просил... из-за отца. А люди услышали, что он излечился. Так и пошло». — «А как вы это сделали?» — «Просто, как будто сверху пришло. У женщины был туберкулёз кости. Она сама рассказала симптом болезни. Я ни о чём не думал, не размышлял. Просто начал как бы в шутку... И получилось». — «А что именно вы сделали?» — «Траву дал, веронику серую. Берестяные идолы не давал, стал давать позже».

«В основном с помощью слова лечу, — сообщает Чашкин. — Словами благословляю, заклинаю травы, чтобы хорошо лечили». — «С любой болезнью можете работать?» — «По-разному бывает. Иногда не получается, — признаётся

Интересно, что шаман-учитель никогда не обучает шамана-неофита. Он создаст какие-то ситуации («проблемного обучения?»), чтобы тот сам почувствовал, что его призывают духи. Это не звуки ангельских труб. В дошедших до нас камланиях есть невероятные по горечи, отчаянию признания шаманов в своей мучительной участи, которую, если принял, обратно не отдашь: «трижды пытался покончить с собой — верёвка рвётся, уходит вода и гаснет огонь/Убедился: на муки вечные обречён...» Но если человек всё-таки решился ответить на зов духов, он должен переболеть «болезнью посвящения». Несколько дней его не трогают, он не ест, не пьёт. Его расчлениют, раздирают духи. И он должен себя сам в результате этой «болезни» собрать на новом уровне. Есть девять ступеней шаманства, и человек сам определяет для себя, на какой уровень подняться. Если ему предназначен некий уровень, а он поднял планку выше и не справился, это может для него плохо кончиться. А если занизил, то придётся опять переживать болезнь и собирать себя снова. А что там, в этом «новом»? «Невидимое увидишь очами чародея. Неслышимое услышишь ушами колдуна...»

Берестяной идол — традиционный элемент шаманских мистерий. Обычно в него запечатывают изгоняемых из больного злых духов, поэтому трогать, тем более распечатывать найденного в лесу идола не рекомендуется. Иногда шаманскую фигурку дают больному вместе с травами — когда болезнь уходит, берестяной идол сморщивается и высыхает.

шаман. — Если язва желудочная далеко пошла или туберкулёз, — новые же лёгкие не посажу. Но продлить жизнь могу... Если бы, узнав диагноз, сразу ко мне пришёл, — недовольно говорит шаман, как врач, к которому обратились не вовремя, — можно было бы помочь. А они объезжают все больницы», — говорит он и зеваает.

«Как ставите диагноз, осматриваете?» — «Могу послушать... Иногда, когда человек начинает рассказывать историю своей болезни, могу сразу остановить — понятно».

«Много народу приезжает?» — «Как в советское время за хлебом очередь. Некоторые от этого дела лечатся, — Чашкин делает характерный жест, — поэтому я ещё живой. Это не настоящая болезнь, её убрать просто».

«Отец тоже лечил?» — «Он ещё кровь пускал. Если бы я даже захотел, сейчас таких людей нет. Сейчас в основном сужение сосудов. И раньше к отцу приходили психические больные. А ко мне алкоголики».

«За то время, что вы этим занимаетесь, произошло какое-то развитие? В чём?» — «Конечно, я развился, но как я могу рассказать, — удивляется он, — в чём развился?» Подумал. «Ну, могу, не пуская в дом, диагноз поставить». — «Проверить можно?» — «Почему нет». — «А сами лучше стали чувствовать себя от целительства или появились проблемы?» — «Конечно, проблемы. Уставать стал гораздо больше. Трактористом был — пришёл после работы, поспал, больше ничего. А сейчас некогда. А здоровье такое же, как может улучшиться. Устаю по мере возраста».

Зачем я его обо всём этом расспрашиваю? Зачем приехал? Из любопытства? Не только. Хочу понять, что такое шаманская школа, не только из теоретических схем, а из опыта четырёхклассного образования шамана Чашкина, народного целителя.

«Заговорами, наговорами не занимаетесь?» — «Нет. Это как только приедут из России, сразу про сглаз, порчу». Шаман оживляется.

«У нас это национальная черта, — объясняю я, — многие испорчены». — «Да, — говорит он, — ещё есть такие, что ауру закрывают пассами, а потом меряют линейкой — на сколько увеличилась». Смеётся.

«Когда человек едет ко мне с тяжёлой болезнью, я это чувствую. А этих пьяниц — нет», — говорит шаман. «Ясновидением занимаетесь?» — «Э, зачем мне это... Если всё чувствовать, ум за разум зайдёт. Себе дороже. Я ограничиваю поток информации. Только то, что мне самому нужно».

«Энергию откуда берёте?» — «Точно не скажу. Скорее всего, из жизни, из природы, откуда ещё можно брать».

«Зима, лето для работы имеет значение?» — «Зимой, конечно, хуже. Самое подходящее время — июнь. Когда начинается активное пробуждение природы, цветов. Ряд болезней можно вылечивать весной. Но в основном — в июне».

Времена года в России и Якутии не совпадают. Интересно, учитывает ли это модернизация? В Интернете нет времени. Что это, бегущая река или стоячее болото?

Хотя можно послать фотокарточку в конверте.

«Как по фотокарточке — получается?» — спрашиваю шамана. «По-моему, неплохо. Но если вы хотите родственников своих излечить, должно быть качество фотографии, чтобы глаза видно было. А если через одежду — нужно исподнее». — «Зачем?» — «А, — зевает Чашкин, — это кожные болезни. Болячка-то к исподнему пристаёт».

Его отец, памятник которому установлен рядом с больницей, сказал перед смертью односельчанам: «Можете ко мне на могилу приходите, будете излечиваться». Как на повторный сеанс лечения. «И, наверное, ходят, — говорит жена, — видны следы костров».

«А себя сами лечите?» — «Нет, нет. Боль души его. Ни своим кровным родственникам, ни себе пользы не может принести. Заболеет — идёт в больницу. Только других лечит». — «Почему так?» — «Не

знает. У его отца так же было: девушку вылечил, взял в жёны, а после лечить не смог. И тоже в больницу ходил».

Так что формула: «шаман, излечи себя сам» — не верна. А мне говорили, что три уровня шаманства доступны каждому. Может, имеется в виду духовное самоизлечение?

Перед последним ночлегом за нами приехал на «уазике» Руслан Терентьев, директор гуманитарной школы из Майи. Проскочил через огонь — горит тайга. Якутск в дыму и отчасти — Менгино-кангаласский улус, куда мы направляемся. «Менге» — вечность... Дорога, ночь и ни огонька, завтра лекция, что я расскажу учителям? Спать...

Из школ, кроме гуманитарной гимназии, очень свободной, запомнилась начальная школа в Майе, точнее, учитель физкультуры Илья Романович Назаров — автор нестандартного оборудования для маленьких спортзалов. В них, как говорят специалисты, «моторная плотность» заниматься не позволяет — и поэтому одни занимаются, а другие смотрят. Изобретение Ильи Романовича позволяет всем заниматься, поэтому скажу несколько слов.

Изобретению учителя физкультуры предшествовала трагическая история. В 80-х годах в школах были введены «дни здоровья», повсюду понастроили «гигантских шагов», на которых раскачивались в том веке, ещё при Ленине. Но здешний климат таков, что металлические конструкции не выдержали — рухнули, погибла ученица. «А я, — говорит Назаров, — не досмотрел».

Никто его не винил, но эта история осталась рубцом на сердце. Потом «гигантские шаги» разобрали, но «моторная плотность» в маленьком зале оставалась большой, и Назаров начал постепенно её уменьшать. Разными, изобретёнными им нестандартными средствами и приёмами, приравливаемыми к ребёнку.

Вот некоторые. На полу спортзала сделана разметка для разминки: для нормального шага, среднего, широкого. Гим-

настическое бревно — очень быстро устанавливается и регулируется на любой высоте и убирается под стену. Крепление по росту. Регулируемый баскетбольный щит. Лента для развития прыгучести. Резиновый жгут вместо металлической планки в яме для прыжков в высоту — для преодоления барьера страха... Всё это сделано из стареньких раскладушек, резинок, фанерок и, кроме вложения души, дополнительных средств не требует.

В маленьком спортзале сельской школы есть медиатека и видеотека. На экране телевизора можно показать замедленно и ускоренно, и возвратиться, и повторить — национальные прыжки. Дети могут увидеть лучшего прыгуна республики — как он разбегается, делает маховое движение руками, толчок и приземляется, «как орёл на добычу», говорит Назаров.

Есть записи с чемпионатов мира по всем видам школьной программы. Картотека развивающих игр, упражнения с рисунками, школьная газета по физкультуре для ребят и родителей... Осенью, перед учебным годом, родители достают откуда-то свои заброшенные кеды, тапочки, и вся улица бегаёт, играет в игры, в которые играла в детстве, идёт в походы...

Результаты? Есть спортивные, отражённые в протоколах соревнований, где дети этой начальной школы неизменно занимают первые места. Но это не главное. Чем отличаются эти дети от других? «Мы с другими не сравниваем, — говорит учитель Назаров, заменивший гигантские шаги обыкновенными, — мы ребёнка сравниваем с собой».

Вот эта педагогика меня и привлекает в Якутии больше всего. Не так важно, как она называется и какие фигуры её олицетворяют.

Госстандарты. Оценка человека — не в сравнении с самим собой.

Не все условия налицо, но структура школы, как и государства, — та же. И поэтому остаётся опасность, что что-то там произойдёт, в зависимости от расположения звёзд, — и опять явится учитель народов. А с ним вместе — Феликс Эдмундович, воспитывать беспризорников...

Меня уверяют, что ДВЕНАДЦАТИЛЕТКА ЛУЧШЕ, ЧЕМ ОДИННАДЦАТИЛЕТКА. ДЛЯ КОГО? СДЕЛАЕТ ЛИ ОНА ЧЕЛОВЕКА ЗДОРОВЕЕ? СЧАСТЛИВЕЕ? ОТКРОЕТ ЛИ ЕМУ КАКИЕ-ТО ТАЙНЫ? ДАСТ ЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ? ИЗМЕНИТ ЛИ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ? ВКЛЮЧИТЕ ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ, ТАМ СПЛОШНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЦЕЛИТЕЛЕЙ И ЭКСТРАСЕНСОВ, КОТОРЫЕ ДАВНО ОТКРЫЛИ СВОИ ШКОЛЫ. ПОХОЖЕ, ЧТО В ЭТОМ ГОСУДАРСТВЕ ЗАИНТЕРЕСОВАНО: ЧЕМ БЫ ДИТА НИ ТЕШИЛОСЬ...

ШАМАН-ОТЕЦ

Когда я услышал о Виталии Никифорове — шамане и директоре семейного детского дома, то подумал — вот случай увидеть шаманскую педагогику на практике. К школьной сети Бугаева она не имела прямого отношения, просто когда-то Николай учился с Никифоровым на одном курсе филфака, так что я был представлен. Никифоров приехал на меня посмотреть в Майю.

Детский дом Виталия Никифорова находится в долине Лены, в селе Тыыллыма. Несколько изб, соединённых в одну, на воротах, заборе — деревянные фигуры медведей. «Сейчас детей соберу, — сказал Никифоров, — балаган растопим...»

Всего детей у него тринадцать — десять мальчиков и три девочки. Дети духовно усыновлены, поэтому семейный детский дом нужен как форма материальной поддержки. Никифоров и его жена получают зарплату как педагоги детского дома. Жена — учитель начальных классов. Мать тоже учительница.

«Я сын матери-одиночки, — объяснил Никифоров свой поступок. — У меня не было ни братьев, ни сестёр, и я завидовал тем, у кого они есть, хотел много детей».

Сказал одно слово, дети тут же выстроились по росту. «Меня зовут Миша. Я в старшей группе детского сада, мне 6 лет». «Меня зовут Валера, я в первом классе, мне 8 лет...» Никифоров добавлял: Коля — призёр по вольной борьбе. Петя — тоже призёр. Вася техникой интересуется, хочет стать дальнобойщиком... Ребята не промах. Могут за себя постоять. И друг за друга — поэтому их не трогают. Никто не считает, что детдом, для всех — это наши дети...

Дом — тридцать метров в длину, восемь в ширину — не тесно. «Министерство образования очень помогает, — сообщает Никифоров, — педагогический стаж идёт. Насчёт одежды трудновато, люди собирают. А так, живём нормально, учим жизни, труду. Видите, дрова наколоты, кубов, наверное, сто...»

Старшим, которые колют дрова, Никифоров платит по триста рублей, а младшим, которые их складывают, — по сто. За учёбу расценки такие: за одни пятёрки — триста

рублей, если учится без троек — двести, мало троек — сто, без двоек — пятьдесят. А если двойки — не получают ничего.

«Они уже знают, что такое работа, — говорит мне отец-педагог. — Не всякое движение оплачивается, но труд в целом — да».

После расчёта Никифоров везёт воспитанников в магазин в Майю, и они сами покупают, что им надо. «Вроде, — говорит он, — получается, что из одного кармана в другой, зато приучаются не воровать, не грабить, а зарабатывать».

Девочки работают наравне с матерью по дому, уже хозяйки — всё умеют. С ребятами мастерить пока трудновато. Но все работают, в паре или втроём. Никифоров подбирает так, чтобы были силы равны и характеры совмещались.

Родные, приёмные, он не отличает. Есть русские, есть наполовину китаец, чуваш, чеченец, эвенк, якут. «Самое главное в нашей семье, — объясняет мне свою систему воспитания Никифоров, — отец строгий, а мать добрая».

«В основе, — говорит он, — психотерапия».

Никифоров лечит алкоголиков.

Приёмные дети — тоже от алкоголиков.

У Маши и Стёпы наследственный туберкулёз, четыре года лечили. У Васи, который собирается стать шофёром-дальнобойщиком, — был нервный тик на лице. У двоих энурез, даже, бывало, говорит отец, по-большому накладывали в штаны, сейчас нормализовалось. Трусы сами стирают. Отец сказал: ты уже большой, хватит за тобой матери стирать.

Никифоров не скрывает: меры физического наказания применяет. «Я с ними договорился, — говорит, — провинились — получают ремень. Лентяйничают — ремень, воруют — ремень. Времени у нас мало, чтобы миндальничать». — «В каком смысле мало?» — спрашиваю я. «В прямом, — отвечает он. — Нет времени. Потому что они приходят уже состоявшиеся. И если с ними сюсюкаться, они на шею сядут. А потом на макушку. А потом скажут: тащи, старик, водку, — жёстко говорит Никифоров. — Вместо этого я для них авторитет».

Есть случаи, поясняет он, когда приёмыных отцов убивали. Не всякий решается брать чужую кровь. Девочек ещё трудней воспитывать, потому что в них сильней, быстрее проявляется то, что в генах, — если мать пьёт, гуляет. Женское начало сильнее, чем мужское, от природы. «Надо знать природу человеческую, если воспитываешь чужую кровь. Без этого — бесполезно. А если дети хорошо воспитаны, им в жизни будет легко. Им на душе спокойно, они спят спокойно. Знают, что у них всё будет, что о них заботятся».

Гору алмазов не обещает. Но профессию и машину каждый получит. В наше время без машины, как без лошади, говорит отец семейства.

«Но если каждый по машине получит — это стоящий мужчина перед вами сидит, — усмехается он, — как думаете?»

Я вспоминаю гуманитарную школу, неподалёку от Никифорова. Демократичных учителей, раскованных учеников. «Вы же просили задавать вопросы!»

«Ребёнок — не чистый лист бумаги».

«Я должен иметь свой детский вопрос».

«А ремнём можно?» — спрашивал я этих продвинутых. «Нельзя». — «Почему?» — «Нарушает права детей». То другие дети. Или те же самые?

«Мы не мешаем детям спать, может, уже спать пора?» — спрашиваю Никифорова. — «Не-ет. У нас по-домашнему — сами ложатся. Старшие, видите, телевизор смотрят, уроки делают. У них больше самостоятельности, чем в детдоме. Но мама, папа сказали — тут же ложатся. Нет пререкательств. Слово родителей — закон».

Представил жену. Маленькая, тихая, выносливая.

«Без такой жены, — говорит, — нечего было и думать. Один бы не осилил. Каждому готовить маскарад на Новый год, каждому штаны чинить, каждого, если заболит, лечить... Она встаёт в шесть и ложится в два ночи, работает, не останавливаясь, многие женщины не смогли бы. И никаких упреков, жалоб. Всё время добра, спокойна». — «А вы?» — «Я быстро вскипаю и успокаиваюсь... Потом, я энер-

гетический донор, — говорит шаман Никифоров, — бывает, до синевы дохожу, когда лечу. Нужна разрядка».

О другой работе.

«Вы представляли себе, что будете шаманом?» — «Нет, я с детства мечтал стать чекистом. Все книги перечитал. Со мной тягаться было бы трудно, из-за моих способностей».

В детстве было много способностей. «Но вышел шаман», — сказал Никифоров, как мне показалось, с некоторым сожалением.

Хотя, уточнил он, в Якутии все знают, что шаман в любой сфере будет одним из первых. Трудно быть шаманом. Надо иметь много разных талантов. Прибавьте физическую закалку, он — бывший спортсмен, лёгкой атлетикой, каратэ, всем занимался. Десять лет ходил марафонским шагом зимой и летом. Плюс охотник — оленей гонял по тридцать километров в горах Верхоянска. Плюс морально-волевые качества должны быть очень высокого уровня. Вот — точки соприкосновения с педагогикой.

«Понимаете? Неужели человек, обладающий такими разнообразными способностями, не может воспитывать детей? — говорил Никифоров, всё более зажигаясь, как будто кто-то с ним спорил. — В обязанности шамана входит воспитание народа, а вы меня спрашиваете о детях. Это смешно. Воспитывать детей для меня хобби, я воспитываю детей между делом, между своим основным делом. Доходчиво объясняю? Вот так же я их воспитываю»...

Разумеется, я спросил у Никифорова о том свете, с которым он работает, — что там?

«По ту сторону смерти никакой тайны нет, — ответил он, — не стоит выеденного яйца. Но живым не дано это знать. Это закон природы. Раз природа так поступает, в этом её мудрость. Её мудрость от необходимости».

«Короче, — усмехнулся он, — скоро мы выйдем в балаган. Камлать я не буду, вы просто посмотрите — на кафтан, на бубен... Мои друзья, понимающие люди, зовут меня в город, чтобы я мог в масштабах

Якуты говорят:**«Слово — это стрела».****А шаман — это человек, владеющий силой слова.****Мы так устроены: болеем, жалуемся постоянно, совершаем одни и те же ошибки. Не верим словам или, напротив, слишком им доверяем. Пытаемся усовершенствовать весь мир и делаем невыносимой жизнь самых близких людей. Не можем воспитать своего ребёнка, а указываем дорогу новому поколению. Себя надо бы сначала привести в порядок.**

республики работать. И ещё я посылаю привет вашим друзьям...»

«Будьте осторожны со словом «шаман», если будете писать, — предупреждал меня Никифоров. — Я знаю, какое к этому отношение в России: шаман — это шарлатан, шаман — сумасшедший. Но это чушь. *Шаманы — это носители мудрости*, люди, близко стоящие к природе, к природе человека.

Я знаю, — взгляд его стал вдруг жёстким, — знаю по генной памяти досконально, я даже вас вижу всего насквозь. Не используйте этого слова. Замените, назовите национальной культурой...» (Признаюсь в скобках — хотел было заменить, но не стал этого делать.)

«...Слово, — говорил Никифоров, очень опасное оружие. Потому что за словом идёт действие. А шаманы — это люди, которые владеют словом. Мне ничего не стоит убить вас — одним словом. Вы ничего не почувствуете, а возвратитесь домой...»

В комнату заглянули дети, что-то сказали по-якутски. Отец-шаман встал, пригласил посмотреть дом, всё показал... Завёл в балаган, где шаманит, у него их два, один — в тайге. Сказал: посидите, я сейчас приду, и закрыл дверь.

На стуле лежат шаманские одежды. Трещат дрова в камельке. Языки пламени меняют очертания. Откровенно говоря, страшновато, я почувствовал, как меня охватывает ужас. Потом успокоился. Только потрескивают поленья... Зачем я сюда пришёл? Что делаю в доме одинокого — с тринадцатью детьми — шамана? Что хочу понять, в себе в первую очередь?

...Его долго не было, вдруг неслышно вошёл, запер дверь на крючок. Надел свой кафтан, взял бубен. Присел к огню. Стал что-то расспрашивать. Я отвечал. Обстановка располагала к откровению. О чём мы с ним разговаривали? Я рассказал о подбрасываемых судьбой возможностях — некоторые жалуются, что она не даёт шанса, а вот мне давала, и не раз, но я не воспользовался. Может быть, чувствовал, что это — не моё.

Шаман слушал.

«Вот в таком сумраке-полумраке, ночами идёт моя работа. Вот халат мой, — с грустью говорит он, — рассматривая в полумраке своё одеяние со множеством всяких побрякушек, — я как надел его, так, наверное, и умру. Бубен мой...»

Зазвенел и замолчал.

«Он сейчас не в рабочем состоянии, — объяснил мне шаман Никифоров, — нужно натянуть на обруч, чтобы подсох...»

Глухой звук бубна...

Вместо заключения

«Ну, и что дальше?» — спрашиваю я Бугаева, прекрасно зная — что. Дальше я соберусь и улечу в Москву, а он останется в Якутске со своими шаманскими школами. Одним из ответов жизни — на программу модернизации. Таких ответов немало. Но кампания по восстановлению памятника Дзержинскому не любит альтернатив, и остаётся надеяться лишь на здравый смысл и живые тенденции...

«Ну, если только отслеживать тенденции, можно ни к чему не прийти», — говорит Бугаев. «То, что бытие определяет сознание, — это одна сторона истины. А есть и другая. Читает юный человек про Павку Корчагина и ему подражает — это ведь сознание определяет бытие? И тогда получается, что если задать людям какие-то образцы, в эту сторону и пойдут тенденции. Только надо, чтобы люди сами пришли к этим мыслям.

Ну, вот, начали постепенно. Семинары, сборы, проекты с учителями — постепенно сформировалось на уровне сельского педагогического сообщества, что национальная школа — это школа по способу деятельности. «А сеть как возникла?»

«В начале 90-х, — объясняет мне Бугаев историю возникновения того, что я видел, надо хоть перед отлётом разобраться, что это такое, — хотели создать очно-заочный центр кочевых школ. Тут такая проблема, — говорит Николай Иннокентьевич, реаниматор умиравших кочевых школ якутского Севера, — родовая община не может

рожать каждый год для школы учеников. А создавать кочевую школу каждый год, по новой, невозможно. Пришло в голову: а нельзя ли создать в Якутске модульный центр, который бы «передвигал деньги» в зависимости от ситуации — там может закрыться школа, а тут открываться...»

Тогда, говорит, почувствовал интерес к сетям. И хотя лавочку кочевую ему прикрыли, интерес остался. А когда начал работать с первой из своих «этношкол», уже размышляя к тому времени о языке, шаманах и прочее, — подумал: а нельзя ли создать сеть школ?

И, как всякий якут, начал постепенно, осторожно прощупывать. К одной школе прибавилась другая, ещё несколько, потом Геннадий Решетников стал замом начальника управления, и решили работать со всем улу-сом, и одновременно выходить на другие...

Вообще-то он давно говорил, что надо так делать. Но чтобы что-то сделать в официальной системе, нужна «мохнатая лапа». А у него её не было. И имени в педагогике не было.

И тогда он сделал для себя вывод: идея, которую называешь «моя», обречена на смерть. Идея, которую называем «наша», может выжить.

Одна из причин, почему он пришёл к идее национальной школы, а не школы Бугаева. Да это и вернее.

Школа воинов, школа шаманов, школа кузнецов. Школа Барыса, школа Эрнста и Изабеллы, школа Руслана и Ильи — каждая школа неповторима, а все вместе...

Пока это ассоциация, в названии которой, как и в общероссийском общественном движении, есть слово «эврика». Ассоциация общественная и чисто сельская (город, считает Бугаев, сам справится). В сеть входит сорок шесть школ из шести улусов (примерно 10% сельских школ Якутии), плюс шесть очно-заочных центров, нужных для того, чтобы ученики, выполняя индивидуальные проекты, входили в соприкосновение с культурой. Постепенно одни проекты порождают другие... Зачем они нужны друг другу?

А зачем нужны друг другу люди, которые помогали Бугаеву осуществить эту

мою неофициальную, на уровне личных связей поездку по Якутии, это наше путешествие, которое вроде бы и цели не имело, а чего-то, думаю я, достигло.

Меняются президенты и министры, а с ними — политика. Когда школа перестраивается по политике, а не по самой жизни, это не перестройка и не модернизация, а перелом тазобедренного сустава.

Чтобы этого не случилось, надо самим перестраиваться по жизни, кооперироваться.

И последнее, говорит Бугаев, далёкое, «идея фикс»...

Видишь, вновь он встрепенулся

Будто бы от сна очнулся

Наш с тобой костёр, отец...

Вообще-то мне повезло с Бугаевым и К°. У якутов не принято столько говорить, а тут вон сколько наговорили, на целую книгу.

Надо научиться, говорил учитель физкультуры, держать равновесие, когда стоишь, и когда ходишь. Научиться падать по-человечески и вставать.

Кукушка кукует, ах, лето какое, погляди! Земля по утрам так быстро крутится: только уголок солнца показался — и уже вот оно, высоко в небе. Идут куда-то люди племени солнца с поводьями за спиной. И ты бы с ними.

В меру своего понимания и своих возможностей.

Пружинистой якутской походкой, рассчитанной на длительные напряжения и большие расстояния.

Преодолевая боль, вялость, безверие, крест, поставленный на себе. Открывшись ветрам странствий. Кочуя. Чтобы от туманов и костров в глазах появилась сумасшедшинка, которую так любят женщины и дети.

Ещё не вечер.

Ну, давай, мой друг, поднимайся.

Ноги на ширину плеч.

Вот так, держи равновесие.

Вытянись, как на перекладине.

Подними голову, не горбись.

Вдох — глубже.

Палку в сторону.

Пошли.